

Мария Андреевна Бекетова

Александр Блок.
Биографический очерк

Мария Андреевна Бекетова

Александр Блок.

Биографический очерк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2980745

Аннотация

«Взяв на себя трудную задачу написать биографию Ал. Блока, я предупреждаю заранее, что это не более как несовершенная попытка дать краткий очерк жизни поэта, дополняющий воспоминания его современников. Он родился и жил до девяти лет в доме моего отца (своего деда). Мне, как тетке его, связанной близкой дружбой с его матерью, известны многие факты его жизни. Поэтому я и взяла на себя смелость писать о нем именно теперь, когда его полная биография не может быть написана по вполне понятным причинам...»

Содержание

От автора	4
От автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	41
Комментарии	

Мария Андреевна Бекетова

Александр Блок.

Биографический очерк

Посвящаю эту книгу матери поэта

От автора

К первому изданию

Взяв на себя трудную задачу написать биографию Ал. Блока, я предупреждаю заранее, что это не более как несовершенная попытка дать краткий очерк жизни поэта, дополняющий воспоминания его современников. Он родился и жил до девяти лет в доме моего отца (своего деда). Мне, как тетке его, связанной близкой дружбой с его матерью, известны многие факты его жизни. Поэтому я и взяла на себя смелость писать о нем именно теперь, когда его полная биография не может быть написана по вполне понятным причинам.

М. Б.

1922 г.

От автора

Ко второму изданию

Книга, выходящая ныне в изд. «Academia», была издана впервые в 1922 г. в Берлине. Она печатается в несколько измененном и исправленном виде. Цитаты из писем Блока заново сверены с текстом.

К книге приложен «Указатель»¹, составленный К... С. Лабутиным².

М. Б.

Октябрь 1929 г.

¹ Указатель в настоящее издание не включен. (*Прим. ред.*)

² Карп Сергеевич *Лабутин* (1895-после 1941) не был посторонним Блоку человеку. Он был знаком с поэтом, делился с ним книжными находками, написал воспоминания о Блоке (сохранились лишь частично). См.: *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 95–96.

Глава первая

Фамилия Александра Александровича Блока – немецкая. Его дед по отцу вел свой род от врача императрицы Елизаветы Петровны, Ивана Леонтьевича Блока, мекленбургского выходца и дворянина, получившего образование на медицинском факультете одного из германских университетов и прибывшего в Россию в 1755 году.

Врач Иван Леонтьевич Блок принимал участие в семилетней войне. При Екатерине II он был лейб-хирургом и сопровождал Павла за границу. При Павле пожаловано ему было в Ямбургском уезде имение. В словаре Плюшара³ против его имени стоит краткое – литератор.

Сын его, Александр Иванович, занимавший различные придворные должности при Николае I, был особенно взыскан милостями этого царя, который наградил его несколькими имениями в разных уездах Петербургской губернии.

Впоследствии все его огромное состояние распределилось между членами многочисленной семьи, состоявшей из четырех сыновей и четырех дочерей, а до следующего поколения дошло уже в значительно уменьшенном виде.

Один из четырех сыновей Александра Ивановича Блока, Лев Александрович, был родной дед поэта. Все его братья

³ Имеется в виду издававшийся А. А. Плюшаром «Энциклопедический лексикон» (СПб., 1835–1841; вышло 17 томов).

начали свою карьеру с военной службы, а Константин продолжал ее и до конца, приняв в свое время участие в Туркестанском и Турецком походах⁴.

Лев Александрович получил образование в Училище правоведения⁵. Его школьными товарищами были Победоносцев и Иван Сергеевич Аксаков. По окончании курса он служил в сенате, был послан на ревизию и получил звание камер-юнкера. Затем гдовское дворянство выбрало его своим предводителем; в один из своих наездов в город Псков он познакомился с семьей тамошнего губернатора Черкасова и женился на одной из его дочерей, Ариадне Александровне, девушке необычайной красоты.

Прадед поэта, Александр Львович Черкасов, судя по скудным сведениям, дошедшим до нашего времени, слыл человеком из ряда вон деспотичным и жестоким. Портретов его не осталось, а только один силуэт, передающий профиль красавца. Александр Львович служил в Сибири. Все его четыре дочери получили домашнее образование.

К сведениям о дедушке Льве Александровиче мы прибавим, что, уже будучи женатым и отцом двух сыновей, Александра и Петра, он получил назначение председателя новгородской казенной палаты. Старший сын его, Александр

⁴ *Туркестанский поход* – ряд военных действий русских войск в Туркестане в 1864–1873 гг.; *Турецкий поход* – Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

⁵ *Училище правоведения* – привилегированное высшее учебное заведение в Петербурге. Л. А. Блок окончил его в 1843 г. И. С. Аксаков окончил училище в 1842 г., а К. С. Победоносцев – в 1846 г.

Львович, отец поэта, учился и кончил курс в новгородской гимназии. А следующее назначение Лев Александрович получил уже в Петербург – на должность вице-директора департамента таможенных сборов. Семья поселилась на казенной квартире на набережной Невы, на Васильевском острове, у самого Дворцового моста.

Бабушка поэта, Ариадна Александровна, была добрая и смиренная мать семейства. Жизнь ее не может быть названа счастливой, так как муж ее отличался нравами ловеласа и был скуповат. Конец своей жизни, после смерти мужа, умершего в психиатрической лечебнице, она провела в семье дочери, среди любимых внучат.

У Льва Александровича и Ариадны Александровны, кроме старшего сына Александра, было еще два сына, Петр и Иван, и дочь Ольга.

Петр Львович кончил курс на юридическом факультете Петербургского университета. Во время Турецкой войны он поступил добровольцем в один из стрелковых полков. Потом, женившись, служил по министерству финансов, а всю остальную свою жизнь посвятил адвокатуре. Это был человек, любивший литературу, любивший поэтов и музыку. Молодые Блоки, все четверо, отличались большой музыкальностью: Александр Львович и Ольга Львовна играли на фортепиано, Петр Львович – на скрипке, Иван Львович – на виолончели. Здесь интересно отметить одну особенность Петра Львовича. Он был почти лишен музыкального слуха и при

этом наделен музыкальной памятью и редким чувством ритма, что позволяло ему передавать своим странным голосом целые оперы, такие, как «Руслан» Глинки, давая о них полное понятие. И интересно в этом то, что тоже, почти буквально, можно сказать о его родном племяннике: он точно так же был лишен музыкального слуха и отличался поразительным чувством ритма. Я говорю, конечно, о поэте.

Тетка поэта, Ольга Львовна, вышла замуж очень рано. У нее была обширная семья, в том числе дочери Ольга и Соня, милые девушки, которые дружили с Александром Александровичем в пору его студенчества ^[1].

Об отце поэта, Александре Львовиче, я буду говорить дальше. Вообще же о семье Блоков пришлось мне сказать немного, так как лично я их почти не знала.

Со стороны матери Александр Александрович Блок – чисто русский. Мать его – дочь профессора Петербургского университета, известного ректора и поборника высшего женского образования Андрея Николаевича Бекетова, который был женат на Елизавете Григорьевне Карелиной, дочери Григория Силыча Карелина, чрезвычайно талантливого и энергичного исследователя Средней Азии.

Дед мой Николай Алексеевич Бекетов, большой барин и очень богатый помещик, владел несколькими имениями в Саратовской, Пензенской и Рязанской губерниях. В молодости служил во флоте, но вскоре вышел в отставку, женился и поселился в деревне. Жена его (урожденная Якушкина, пле-

мянница декабриста) рано умерла, оставив дочь и трех сыновей. Первое время после ее смерти детей воспитывала швейцарка, мадам Фурнье, очень добрая женщина, которая сумела заменить сиротам рано умершую мать. Дальнейшее воспитание они получили в Петербурге. Дочь Екатерина Николаевна, отданная в Смольный институт, по окончании курса вернулась к отцу. Старший сын, Алексей Николаевич, окончил курс в Инженерном училище, но впоследствии отдался земской деятельности и много лет кряду занимал место председателя пензенской губернской управы. Младшие сыновья получили университетское образование. Из Николая Николаевича вышел известный химик, впоследствии академик. Отец мой избрал своей специальностью ботанику. Все три брата проявляли склонность к общественной деятельности и восприняли гуманные идеи сороковых годов.

К тому времени, как дети закончили свое образование, дед мой разорился и потерял почти все состояние, так что сыновья должны были существовать, уже не рассчитывая на поддержку отца. Сам он дожил свой век в той самой Алфеевке, где выросли его дети, до конца своих дней поддерживая старый порядок, с многочисленной дворней, тремя поварами и тонкими обедами.

Отец мой Андрей Николаевич был самый живой, разносторонний и яркий из братьев Бекетовых. В ранней молодости он увлекался фурьеризмом, одно время серьезно занимался философией, изучая Платона, был далеко не чужд

литературе, уже в старости зачитывался Толстым и Тургеневым, второй частью Гетева Фауста. В общественной деятельности он проявил большую энергию и страстность. Время его ректорства оставило очень яркий след в истории Петербургского университета. Особенно многим обязаны ему студенты, в организацию которых он внес совершенно новые элементы. Ни один ректор ни до, ни после него не был так близок с молодежью. Между прочим, он то и дело тревожил полицейские власти, хлопоча об освобождении студентов, сидевших в доме предварительного заключения. Его энергия и настойчивость в этом направлении были столь неутомимы, что он добился однажды необычайного результата: по его ходатайству один студент четвертого курса, сидевший в крепости, получил разрешение держать выпускные экзамены, являясь в университет под конвоем, и таким образом кончил курс и получил кандидатский диплом.

Что касается деятельности моего отца по части высшего женского образования, то можно смело сказать, что он был его создателем с самого начала возникновения этого течения. Очень немногие знают, что Бестужевские курсы названы не Бекетовскими только потому, что во время их открытия отец был на плохом счету в высших сферах, где у него создалась репутация Робеспьера.

Весь облик отца был симпатичен и обаятелен. Доброта, высокое благородство, искренность, детская непосредственность и доверчивость составляли главные черты его привле-

кательного характера. Живой, горячий, ласковый, он был всеобщим любимцем не только в собственной семье, но и в родне жены. Любили его и товарищи-профессора и еще более студенты и ученики, которых у него было великое множество. Даровитость его проявлялась и в научных работах, и в чтении лекций, которые привлекали массу слушателей. Он говорил на трех языках, рисовал карандашом и пером, сочинял своим детям веселые сказки, которые тут же и иллюстрировал бойкими, смелыми рисунками.

Дед мой по матери был человек замечательный. Еще молодым артиллерийским поручиком он приобрел солидные знания по всем отраслям естественных наук. Его военная карьера не удалась из-за смелой шутки по адресу Аракчеева, который сослал его в город Оренбург. Здесь он женился на местной уроженке, красавице и умнице Сашеньке Семеновой (дочери отставного офицера одного из гвардейских полков), получившей образование и воспитание в петербургском пансионе мадам Шредер, где преподавали, между прочим, такие учителя, как Плетнев и Греч⁶.

Блестящие способности и образование артиллерийского поручика обратили на себя внимание двух оренбургских военных губернаторов. По их поручению он совершил ряд путешествий по Средней Азии, будучи прикомандирован к ми-

⁶ Петр Александрович *Плетнев* (1792–1865) – литератор, профессор и ректор Петербургского университета; Николай Иванович *Греч* (1787–1867) – литератор, журналист, автор наиболее известных в начале XIX в. пособий по русскому языку и истории русской литературы.

нистерству иностранных дел. Все четыре его дочери родились в Оренбурге. Младшая – Елизавета Григорьевна – будущая бабушка Александра Александровича.

Из Оренбурга семья Карелиных переселилась в Московскую губернию, где было куплено имение Трубицыно. Сам Карелин продолжал путешествовать, исследуя Сибирь. Он по несколько лет кряду оставлял семью и только изредка наезжал в деревню, внося в домашнюю обстановку разнообразие и праздничное оживление. В один из таких наездов он пробыл в Трубицыне пять лет кряду, после чего навсегда покинул жену и детей и прекратил свои путешествия, продолжая заниматься наукой и живя в городе Гурьеве, где и скончался.

Жизнь семьи Карелиных в отсутствие отца шла довольно монотонно. Средства были небольшие, жили скромно. Иногда мать отпускала одну из дочерей в Москву – погостить у знакомых.

Александра Николаевна Карелина, женщина властная и суровая, воспитывала дочерей по-спартански и не баловала их лаской, но зато выработала в них сильные характеры и самостоятельность. Образовать их помог ей муж. Взамен учителей, на которых не было средств, он составил для дочерей прекрасную библиотеку из русских, французских и немецких классиков и научных сочинений на французском языке.

Этой библиотекой воспользовалась главным образом его меньшая и любимая дочь Лиза (наша будущая мать), более

всех походившая на отца нравом и даровитостью. Когда, по обычаю того времени, для пополнения средств мать стала брать к себе дочерей богатых бар для обучения их наукам, все эти барышни предоставлялись Лизе, которая уже в пятнадцать лет учила их, между прочим, истории и географии. В юности она порядком страдала от суровых педагогических приемов Александры Николаевны, но в более зрелом возрасте ее отношения с матерью стали самые дружеские.

Бабушка Александра Николаевна очень любила моего отца и всю нашу семью. Сама она к старости очень смягчилась и за ласку готова была поступиться многим. Она по целым годам жила у нас в доме и оставила у всех самые лучшие воспоминания. Это была женщина старого закала, но отсутствие мелочности и такт помогали ей жить и в новых условиях, никого не угнетая своей особой. До покупки своего Шахматова мы часто бывали летом в Трубицыне. Предоставив хозяйство старшей незамужней дочери, бабушка А. Н. проводила остаток жизни за чтением и рукоделием. До старости помнила она державинские оды, прекрасно знала французский и немецкий языки и всему предпочитала Шиллера и Ламартина. Старшая наша тетка Софья Григорьевна также близка была к нашему дому. Единственная из сестер Карелиных, оставшаяся в девицах, она обожала свою мать, которая и умерла у нее на руках в глубокой старости. Ее необыкновенная доброта, общительность, простое и светлое отношение к жизни и легкий характер, при способности к самоот-

вержению, создали ей массу друзей в широком кругу семьи и знакомых. Она любила жизнь в ее простых проявлениях – в людях, в природе, была глубоко религиозна. Любила также живопись и литературу, своей наивной и чуткой душой чуяла лирику Тютчева, а впоследствии и Блока. И она, и мать ее играли в жизни его известную роль, о которой будет сказано ниже.

Наша мать, бабушка Александра Александровича, была выдающаяся женщина. Своеобразная, жизненная, остроумная и веселая, она распространяла вокруг себя праздничную и ясную атмосферу. Способностями отличалась разносторонними и блестящими. Без всякой посторонней помощи выучилась говорить и писать по-французски, по-английски, по-немецки. Знала также итальянский и испанский языки. Страстно любила литературу, много читала, помнила наизусть массу стихов русских и иностранных поэтов и при первой возможности занялась переводами, вкладывая в это дело много увлечения и таланта. Ее переводы отличаются свежестью и разнообразием оборотов. Особенно удавались ей диалоги и юмористические сцены. Работоспособность ее была изумительна. Она работала чрезвычайно быстро и, даже не перечитав своей рукописи, написанной твердым и четким почерком, прямо из-под пера отправляла ее в типографию. По свидетельству внука, Александра Александровича, «некоторые из ее многочисленных переводов остаются и до сих пор лучшими». (См. его автобиографию в «Русской

литературе XX века», под ред. Венгерова). Между прочим, она мастерски читала вслух, особенно комические вещи, и страстно любила театр. В молодости писала много стихов и слагала их с необычайной легкостью, но печатала только переводы.

Вкус к литературе и хорошему русскому языку передала она нам, дочерям. Три из них (всех нас было четыре) так или иначе проявили себя в литературе. Все мы писали стихи и занимались переводами и компиляциями, но только старшая сестра Екатерина Андреевна, по мужу Краснова, оставила после себя два тома оригинальных произведений: один в стихах, другой в прозе⁷. Александра Андреевна, мать поэта, печатала только детские стихи и переводы в прозе и стихах.

Вдобавок ко всему прочему наша мать была чрезвычайно способная музыкантша. Страстно любя музыку, она самоучкой выучилась играть на фортепиано и бойко исполняла трудные сонаты Бетховена и пьесы Шопена, причем исполнение ее отличалось выразительностью и отчетливостью. В нашей семье наклонности и вкусы матери преобладали. Отец не передал склонности к естественным наукам ни одной из своих четырех дочерей. Все мы предпочитали искусство и литературу, но унаследовали от отца большую любовь к при-

⁷ Бекетова Е. А. Стихотворения. СПб., 1895; Бекетова Е. А. (Краснова). Рассказы. СПб., 1896. Обе книги сохранились в библиотеке Блока (*Библиотека*, вып. 1, с. 27).

роде.

Мать воспитала в нас уважение к труду и стойкость в перенесении невзгод и физических страданий. Но вместе с этим передала и романтику, которой окрашивала все явления жизни. Можно смело сказать, что мы родились и выросли в атмосфере романтизма.

Общим свойством моих родителей было пренебрежение к земным благам и уважение к духовным ценностям. Бедность, которую испытали они в первые годы своего брака, перенесли они легко и весело. Ложный стыд и тщеславие были им чужды. Пошлость, скука и общепринятая шаблонность совершенно отсутствовали в атмосфере нашего дома.

Таков был дух той семьи, в которой воспитывался поэтический дар Александра Блока ^[2].

Глава вторая

Семья Блоков не имела на поэта непосредственного влияния, но он, несомненно, унаследовал от нее некоторые черты. Я уже упоминала о музыкальности. Отец поэта был талантливейший пианист с серьезными вкусами. Его любимцами были Бетховен и Шуман. Об его игре не раз упомянуто в поэме «Возмездие». Мне остается прибавить лишь несколько слов: исполнение Александра Львовича отличалось точностью, свободой, силой. Но главное его обаяние заключалось в какой-то стихийно-демонической страстности; получалось впечатление вдохновенного порыва, стремительного полета, не передаваемого словами. Музыкальность отца, по-видимому, претворилась в сыне особым образом. Она сказалась в необычайной музыкальности его стиха и в разнообразии ритмов.

Наружностью поэт походил на Блоков. Больше всего на деда Льва Александровича. На отца он похож был только сложением и общим складом лица. Александр Львович один из всей семьи вышел в Черкасовых. Так же, как и мать, был он брюнет с серо-зелеными глазами и тонкими чертами лица; черные, сросшиеся брови, продолговатое, бледное лицо, необыкновенно яркие губы и тяжелый взгляд придавали его лицу мрачное выражение. Походка и все движения были резки и порывисты. Короткий смех и легкое заикание сообщали

какой-то особый характер его странному, нервному облику. Так же, как и сын, он отличался большой физической силой и крепким здоровьем. Это был человек с большим и своеобразным отвлеченным умом и тонкими литературными вкусами. Его любимцами были Гете, Шекспир и Флобер. Из русских писателей он особенно любил Достоевского и Лермонтова. К «Демону» у него было особенное отношение. Он исключительно ценил не только поэму Лермонтова, но и оперу Рубинштейна, которую знал наизусть и беспрестанно играл в собственном своем переложении.

Избранная им научная профессия (он был профессором государственного права) не соответствовала его художественным наклонностям и широким стремлениям. Придавая громадное значение форме, он считал себя учеником Флобера и свои научные труды обрабатывал в его стиле. Последние двадцать лет жизни он трудился над сочинением, посвященным классификации наук, что, разумеется, далеко переходит за пределы его специальности, но так и не закончил этого труда. Говоря словами его сына, «свои непрестанно развивавшиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формы, которых искал; в этом искании сжатых форм было что-то судорожное и страшное, как во всем душевном и физическом облике его» (Александр Блок. Автобиография. «Русская литература XX века». 1890–1910).

Сын унаследовал от отца сильный темперамент, глубину чувств, некоторые стороны ума. Но характер его был иного

склада: в нем преобладали светлые черты матери и деда Бекетова, совершенно несвойственные отцу: доброта, детская доверчивость, щедрость, невинный юмор. Мрачный, демонический облик Александра Львовича вместе с присущим ему обаянием в общем верно очерчен в поэме «Возмездие». Я должна оговорить только то, что касается художественного вымысла: роман между отцом и матерью происходил не совсем так, как изобразил его поэт, и самый облик отца несколько идеализирован. Но III глава есть точное воспроизведение действительности.

Возвращаюсь к своему рассказу.

Когда семья Блоков переселилась в Петербург, Александр Львович поступил на юридический факультет Петербургского университета и был одним из выдающихся учеников покойного профессора А. Д. Градовского. Из числа его товарищей назовем ныне покойного профессора Коркунова и профессора Бершадского ^[3].

В годы студенчества Александр Львович, которому была чужда атмосфера родительского дома, покинул семью и, переселившись в меблированную комнату, стал содержать себя уроками. Попав «на кондицию» в богатую семью Бибиковых, состоявшую из матери-вдовы и двух ее сыновей-подростков, он побывал с ними за границей, посетил Швейцарию и Италию. Но потом снова вернулся в родную семью и блестяще окончил курс университета.

Все это происходило в семидесятых годах прошлого сто-

летия, когда в Петербурге блистала известная общественная деятельница, красавица Анна Павловна Философова⁸. На ее вечерах бывал и Александр Львович. Там встречался он с Достоевским, которого поразила наружность молодого человека. Как говорили тогда, Достоевский собирался изобразить его в одном из своих романов в качестве главного действующего лица⁹.

В те же годы в нашей бекетовской семье подрастала третья дочь Ася (Александра Андреевна) – будущая мать поэта. В семье ее все любили. Была она добрая, ласковая и необыкновенно веселая девочка. Ее проказы и шалости оживляли весь дом и смешили нас, сестер, до упаду. Но все это уживалось с капризным, причудливым характером, что объяснялось ее нервностью и крайней впечатлительностью. В натуре ее замечались странности, которые проявились в четырнадцатилетнем возрасте при одном, казалось бы, незначительном случае ее жизни, неожиданно обнаружив какие-то подсознательные глубины ее своеобразной и сложной натуры.

Однажды, прекрасным августовским вечером, она вместе с теткой и сестрами отправилась прокатиться по Неве на ялике. И мимо этого ялика проплыл утопленник. Его несло

⁸ Анна Павловна Философова (1837–1912) – известная общественная деятельница, выведенная в поэме «Возмездие» под именем Анны Павловны Вревской. О ней см.: Сборник памяти Анны Павловны Философовой, т. 1–2, Пг., 1915.

⁹ О внимании Достоевского к личности А. Л. Блока поэт писал в поэме «Возмездие» (III, 321). Свидетельство М. А. Бекетовой о намерении Достоевского сделать его героем романа является уникальным.

течением. Вид его тела, намокшей розовой рубахи и слипшихся волос произвел на девочку потрясающее впечатление: она едва дошла до дому, и тут на нее напала такая слабость, что она буквально не могла держаться на ногах: приходилось водить ее под руки, поднимать со стула. Матери не было в городе. Ее заменяла тетка, которая сердилась на Асю, принимая ее поведение за шалость или притворство. Но девочке было не до шуток: весь ее организм был охвачен каким-то странным недугом. Дня три она не могла ни есть, ни спать, смотрела перед собой неподвижным взглядом и молчала. Весь мир приобрел для нее особую окраску, все потеряло смысл, как бы перестало существовать. Это не было чувство страха или жалости, а какой-то бессознательный, мистический ужас перед трагедией жизни и неотвратимостью рока. Если б она могла в то время осознать и оформить свои ощущения, она выразила бы их одним вопросом: «Если так, зачем жить?»

Такова была эта веселая девочка, самая ребячливая и беззаботная из своих сестер. Детского в ней было очень много, и долго оставалась она еще совершенным ребенком, но случая с утопленником никогда не забывала.

Училась Ася довольно плохо. Она ненавидела всякую «учебу», систематичность. В гимназии ее считали пустой, даже глупой, но ошибочно... Больше всего любила она природу и литературу, особенно лирику, поэзию.

Была очень религиозна и еще в детстве мечтала о детях,

о материнстве.

В шестнадцать лет из некрасивой девочки Ася превратилась в очаровательную девушку. Своей женственной грацией, стройностью, хорошеньким свежим лицом и шаловливым кокетством она привлекала сердца.

Однажды пригласила ее на танцевальный вечер товарка по гимназии, некая Сашенька Озерецкая, дочь университетского инспектора, занимавшего казенную квартиру этажом ниже нашей. Родители ничего не имели против. Ася очень любила танцевать и охотно отправилась на вечер. Вернувшись домой довольно поздно, когда я поджидала ее, лежа в постели, она тут же рассказала мне, что на вечере за ней все время ухаживал Александр Львович Блок, очень красивый и интересный молодой человек. Этот вечер решил ее судьбу. Ася не подозревала, какое сильное впечатление она произвела на Александра Львовича. Ища случая встретиться с нею, он взял ложу в оперу на «Демона» для семьи Озерецких с тем условием, что будет приглашена Ася Бекетова. Она очень удивилась, увидав его в опере. Он не отходил от нее весь вечер.

Вскоре после этого отец был выбран ректором Петербургского университета. Осенью мы переселились на новую квартиру на набережной Невы, в ректорский дом, который весь отдавался в распоряжение ректора. В нижнем этаже помещались столовая и комнаты родителей. Тут же в особой комнате жила на покое старая няня. В верхнем этаже – мы,

сестры и наша бабушка Александра Николаевна Карелина. Тут же была гостиная и белая зала с большим камином и окнами на Неву; здесь стоял рояль. Обстановка была скромная. С самого начала сезона пошли субботние вечера, на которые собиралось иногда до ста человек студентов и кое-кто из профессоров, не считая барышень и дам. Пили чай с бутербродами, фруктами и домашним вареньем – ни вина, ни ужина не полагалось по недостатку средств, но это не мешало очень весело проводить время.

Внизу у ректора толковали о политике и обсуждали философские вопросы, наверху играли в *petits jeux*¹⁰, занимались музыкой, пением, танцами.

В этом году Александр Львович Блок стал бывать у нас в доме. Его настойчивое ухаживание кончилось тем, что Ася еще до окончания курса гимназии стала его невестой.

Кстати сказать, перед самыми выпускными экзаменами родители взяли ее из гимназии по совету доктора, который нашел у нее порок сердца и счел учение для нее вредным.

Александр Львович, который по окончании курса был оставлен при университете, получил кафедру приват-доцента государственного права в Варшавском университете. Лекции должны были начаться с осени следующего года. Таким образом, он имел возможность остаться в Петербурге до конца сезона, мог ежедневно видаться с невестой и большую часть лета провел в нашем подмосковном Шахматове. Осе-

¹⁰ игры «по маленькой ставке» (*фр.*).

нюю он уехал в Варшаву, так как свадьбу решено было отпраздновать в январе того же сезона.

Тогда уже, во время жениховства, обнаружил он свой тяжелый характер. Теперь еще рано обнародовать все подробности этой семейной драмы¹¹. Скажу только, что младший брат Александра Львовича, Иван Львович, человек очень добрый, горячо отговаривал сестру от этого брака, предвидя последующие несчастья, но это ни к чему не повело. Судьба ее была решена: 7 января 1879 года, восемнадцати лет от роду, она обвенчалась с Александром Львовичем в университетской церкви. Ему было 27 лет. В тот же вечер молодые уехали в Варшаву, где прожили вместе около двух лет.

Жизнь сестры была тяжела. Любя ее страстно, муж в то же время жестоко ее мучил, но она никому не жаловалась. Кое-где по городу ходили слухи о странном поведении профессора Блока, но в нашей семье ничего не знали, так как по письмам сестры можно было думать, что она счастлива. Первый ребенок родился мертвым. Мать сильно горевала, мечтала о втором.

Между тем Александр Львович писал магистерскую диссертацию. Окончив ее осенью 1880 года, он собрался ехать для защиты ее в Петербург. Жену, уже беременную на восьмом месяце, взял с собой. Молодые Блоки приехали прямо к нам. Сестра поразила нас с первого взгляда: она была почти неузнаваема. Красота ее поблекла, самый характер изме-

¹¹ Книга писалась при жизни матери Блока.

нился. Из беззаботной хохотушки она превратилась в тихую, робкую женщину болезненного и жалкого вида.

Диспут кончился блестяще, магистерская степень была получена; приходилось возвращаться в Варшаву. Но на время родов отец уговорил Александра Львовича оставить жену у нас. Она была очень истощена, и доктор находил опасным везти ее на последнем месяце беременности, тем более что Александр Львович стоял на том, чтобы ехать без всяких удобств, в вагоне третьего класса, находя, что второй класс ему не по средствам.

В конце концов он сдался на увещания, оставил жену и уехал один.

Глава третья

Между тем жизнь в доме шла своим чередом. Субботние вечера не прекращались, было по-прежнему шумно и весело.

В одну из таких суббот Александра Андреевна почувствовала приближение родов, а к утру воскресенья 16 ноября 1880 года у нее родился сын – будущий поэт и свет ее жизни.

Никто из гостей не подозревал, какое великое событие происходит в боковой спальне верхнего этажа, выходявшей на университетский двор. Первая, принявшая дитя на свои руки, была его прабабушка Александра Николаевна Карелина. Она держала его, пока остальные хлопотали подле ослабевшей родильницы.

Мальчик родился крупный и хорошо сложенный, но слабый. Отцу немедленно дали знать о рождении сына. К рождественским праздникам он приехал. Когда он вошел в комнату, Саша спал. Отцу захотелось увидеть цвет его глаз, и он стал приподнимать ему веки, несмотря на то, что ребенка только что с трудом усыпили. Матери сделалось жутко. Она почуяла опасность: будет ли отец беречь свое дитя?

Первое время сестра кормила ребенка сама, но тут начались сцены и ссоры. Одним из поводов было какое-то ненавистническое отношение Александра Львовича ко всей бекетовской семье. Уже в первый приезд его мы случайно узна-

ли, что скрывали от нас до той поры. Тогда отец решил, что надо спасти дочь и постараться разлучить ее с мужем, но до времени с ней об этом не говорили. Теперь положение еще обострилось. Обращение мужа расстраивало Александру Андреевну; это дурно действовало на кормление. Ребенок кричал, мать не могла оправиться после родов. Наконец, Александр Львович объявил, что больше не желает оставаться в доме и переехал к своим родным, жившим тут же на набережной у Дворцового моста. Уезжая, он потребовал, чтобы жена ходила к нему каждый день, что она и делала.

Ребенка пришлось отнять от груди, опыт с кормилицей не удался. Его перевели на рожок. И мать, и ребенок поправлялись плохо. И когда Александру Львовичу пришло время уезжать, он снова оставил Александру Андреевну в Петербурге, на чем настаивал доктор. Было решено, что она вернется к мужу весной.

После его отъезда отец употребил все свое влияние на дочь, уговаривая ее расстаться с мужем ради ребенка. Понемногу она склонилась на его аргументы и кончила тем, что решила расстаться. Она написала мужу, что больше к нему не вернется, и сдержала слово.

Тяжело досталось Александре Андреевне это решение, тем более, что Александр Львович не допускал и мысли о том, чтобы с ней расстаться; он делал неоднократные попытки вернуть жену, осыпал ее письмами, угрожал взять ее и ребенка силой, наконец, прислал телеграмму, подписанную

именем ректора Варшавского университета. В телеграмме стояло: «Блок тяжело болен. Присутствие жены необходимо». Но отец заподозрил подлог и сам послал телеграмму к ректору Варшавского университета, осведомляясь о здоровье профессора. На следующий же день от ректора Благовещенского получился ответ: «Блок вполне здоров».

С первых дней своего рождения Саша стал средоточием жизни всей семьи. В доме установился культ ребенка. Его обожали все, начиная с прабабушки и кончая старой няней, которая нянчила его первое время. О матери нечего и говорить. Вскоре после рождения Саши из-за границы вернулась его тетка Екатерина Андреевна. Она любила Сашу с какой-то исключительной нежностью. Он оставался ее идолом до конца ее краткой жизни. Она поздно вышла замуж и не имела своих детей. Умерла на 37-м году жизни, когда Блоку было одиннадцать лет. В первые месяцы его жизни она разделяла уход за ребенком вместе со всеми членами семьи. Несмотря на все старания, мальчик хирел, но к весне при помощи мудрых советов нашего старого врача и друга Егора Андреевича Каррика (теперь покойного) он превратился в розового бутуза. На всю жизнь осталась только крайняя нервность: он с трудом засыпал, был беспокоен, часто кричал и капризничал по целым часам. Бывало так, что одному дедушке удавалось его усыпить и утихомирить. С ребенком на руках дедушка подолгу прохаживался по зале, приготовляясь к какой-нибудь лекции, но чаще ребенок сразу затихал

у него на руках.

Лето, проведенное в деревне, окончательно укрепило Сашино здоровье. Он рос правильно, был силен и крепок, но развивался очень медленно: поздно начал ходить, поздно заговорил. В два года, когда снят был с него первый портрет на руках у матери, это был толстенький мальчик с бело-розовой кожей и очень светлыми волосами. К трем годам он до того похорошел, что останавливал на себе внимание прохожих на улице. Портрет пятилетнего Саши в кружевном воротничке при всем сходстве не может передать всей красоты его лица и переменчивого выражения глаз.

Он был живой, неутомимо резвый, интересный, но очень трудный ребенок: капризный, своевольный, с неистовыми желаниями и непреодолимыми антипатиями. Приучить его к чему-нибудь было трудно, отговорить или остановить почти невозможно. Мать прибегала к наказаниям: сиди на этом стуле, пока не утомишься. Но он продолжал кричать до тех пор, пока мать не спустит его со стула, не добившись никакого толка.

До трехлетнего возраста у Саши менялись няньки, все были неподходящие, но с трех до семи за ним ходила одна и та же няня Соня¹², после которой больше никого не нанимали. Кроткий, ясный и ровный характер няни Сони прекрасно действовал на мальчика. Она его не дергала, не приставала к

¹² Няню Блока звали Софья Ивановна Колпакова. См. о ней: *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 85–86.

нему с наставлениями. Неизменно внимательная и терпеливая, она не раздражала его суетливой болтливостью. Он не слышал от нее ни одной пошлости. Она с ним играла, читала ему вслух. Блок любил слушать пушкинские сказки, стихи Жуковского, Полонского, детские рассказы. «Степку-растрепку» и «Говорящих животных»¹³ знал наизусть и повторял с забавными и милыми интонациями. Играл он всего охотнее в «кирпичики», в некрашенные деревянные чурочки, из которых дети обыкновенно складывают дома, а в его играх они изображали конки, людей, кондукторов, лошадок. Это долго было любимой его игрой. В играх Саша проявлял безумную страстность и большую силу воображения. Иногда он увлекался одной какой-нибудь игрой по целым месяцам. Не нуждаясь в товарищах, изображал целые поля сражения и с воинственными победными кликами носился по комнатам, поражая врагов. Играя в конку, представлял в одно время и конку, и лошадей, и кондуктора и мог играть так часами, – примется за еду, а думает все о том же. Его увлечения поглощали его целиком. Между прочим – корабли. Он рисовал корабли во всех видах, одни корабли, без человеческих фигур, развешивал их по стенам детской, дарил родным и т. д. Исключительное отношение к кораблям осталось у него на всю жизнь.

¹³ «Степка-растрепка» – рассказы для детей в стихах, выдержавшие множество изданий с 1849 по 1923 г. Отзыв Блока об этой книге см.: ЗК, с. 269–271. «Говорящие животные» – детская книга (1860).

С поступлением няни Сони связана первая поездка за границу. Саше было тогда три года. Поехали ради тепла и морского купанья лечить его мать и меня. Взяли с собой бабушку и няню Соню. Сначала, за невозможностью попасть в зараженный холерой Неаполь, поселились в Триесте. Там провели месяца четыре. Купанье в Триесте оказалось прекрасное. Мальчику нравились длинные поездки в открытой конке за город на морской пляж и самое купанье, которое он любил чрезвычайно.

Жизнь в этом довольно скучном городе скоро надоела взрослым, но Саше было там хорошо. Он играл в свои любимые кирпичики, привезенные из России, а главное, много гулял с няней Соней. Восхищали его ослы, которых прогоняли каждое утро на базар мимо наших окон, а также пароходы и лодки с оранжевыми парусами, стоявшие возле набережной и мола.

В декабре переехали во Флоренцию. Там поселились в прекрасной вилле, на краю города, близ Viale dei Colli.

Здесь иногда Саша играл с трехлетним Джульано, сыном нашей хозяйки, но чаще уходил гулять. Они с няней ходили часами, и это его не утомляло. Друзей его возраста у него не было, но он не скучал. В общем пребывание за границей длилось месяцев девять. За это время мальчик еще больше поздоровел и сильно вырос: к удивлению, заграничная поездка не оставила воспоминаний, хотя ему было тогда уже четыре года, но восприимчивость в некоторых отношениях

развивалась у него туго. В день отъезда из Флоренции произошел маленький случай. Все утро на глазах у Сашиной матери вертелась Sophia, семилетняя хозяйская дочка. Она держала в руках какую-то картинку и старалась привлечь внимание сестры. Когда ей это удалось, она протянула то, что было у ней в руках и оказалось так называемой «image sainte», – изображением богородицы. Сказав, что это для «Alessandro», Sophia убежала. Сестра сохранила картинку. Она всегда висела под стеклом над кроватью «Alessandro» и осталась на том же месте до его смерти.

В мае мы возвратились в Россию через Москву прямо в Шахматово, где началась та привольная жизнь, которая возможна только в русской деревне.

Здесь кстати будет сказать несколько слов о Шахматове. Это небольшое поместье, находящееся в Клинском уезде Московской губернии, отец купил в семидесятых годах прошлого столетия. Местность, где оно расположено, одна из живописнейших в Средней России. Здесь проходит так называемая Алаунская возвышенность. Вся страна холмистая и лесная. С высоких точек открываются бесконечные дали. Шахматово привлекло отца именно красотой дальних видов, прелестью места и окрестностей, а также уютностью вполне приспособленной для житья усадьбы. Старый дом с мезонином был невелик, но крепок, в уютно расположенных комнатах нашлась и старинная мебель и даже кое-какая утварь. Все службы оказались в порядке, в каретном сарае

стояла рессорная коляска. Тройка здоровых лошадей була-
ной масти, коровы, куры, утки – все к услугам будущего вла-
дельца. Ближайшая почтовая станция Подсолнечная с боль-
шим торговым селом и земской больницей – в восемнадца-
ти верстах от Шахматова. Ехать приходилось проселочной
дорогой, частью, ближе к Шахматову, изрытой и колеистой,
шедшей по великолепному казенному лесу «Праслово». Лес
этот тянулся на многие версты и одной стороной примыкал
к нашей земле. Помещичья усадьба, от которой после рево-
люции ничего не осталось, стояла на высоком холме. К дому
подъезжали широким двором с круглыми куртинами шипов-
ника, упоминаемыми в поэме «Возмездие». Тенистый сад со
старыми липами расположен на юго-восток, по другую сто-
рону дома. Открыв стеклянную дверь столовой, выходявшей
окнами в сад, и вступив на террасу, всякий поражался ши-
ротой и разнообразием вида, который открывался влево. Пе-
ред домом – песчаная площадка с цветниками, за площадкой
– развесистые вековые липы и две высокие сосны составля-
ли группу. Под этими липами летом ставили длинный стол.
В жаркое время здесь происходили все трапезы и варилось
бесконечное варенье. Сад небольшой, но расположен с боль-
шим вкусом. Столетние ели, березы, липы, серебристые то-
поля попеременно с кленами и орешником составляли груп-
пы и аллеи. В саду было множество сирени, черемухи, бе-
лые и розовые розы, густая грядка белых нарциссов и дру-
гая такая же грядка лиловых ирисов. Одна из боковых доро-

жек, осененная очень старыми березами, вела к калитке, которая выводила в еловую аллею, круто спускающуюся к пруду. Пруд лежал в узкой долине, по которой бежал ручей, осененный огромными елями, березами, молодым ольшаником.

Таково было это прекрасное место, увековеченное в стихах Блока и в его поэме «Возмездие».

Впервые Блок попал туда шестимесячным ребенком. Здесь прошли лучшие дни его детства и юности. Он любил Шахматово... С ранних лет начались бесконечные прогулки по окрестным лесам и полям. К семи годам мальчик знал уже все окрестности, хорошо изучил места, где водились белые грибы, где было много земляники, где цвели незабудки, ландыши и т. д. Он особенно любил ходить за грибами, тем более что по свойственной ему необыкновенной зоркости находил их там, где никто их не видел. Придя домой, он, захлебываясь от восторга, рассказывал о своих находках всем, кто оставался дома и не участвовал в его торжестве.

Животных любил он до страсти. Дворовые псы были его большими любимцами. Глубокую нежность питал он к зайцам, ежам, любил насекомых, червей и прочих гадов, словом – все живое. (И это осталось на всю его жизнь.) В пять лет Блок сочинял стихи в таком роде:

Зая серый, зая милый,
Я тебя люблю.
Для тебя-то в огороде
Я капустку и коплю.

Или:

Жил на свете котик милый,
Постоянно был унылый, —
Отчего – никто не знал,
Котя это не сказал.

Жизнь шахматовская была полна. В первые годы у Блока не было товарищей. Он водился со взрослыми, и были у него свои друзья. Особенно любил его один из наших приказчиков, бывший в то же время и сторожем казенного леса. Звали его Иван Николаевич. Это был крепкий, коренастый старик, довольно плутоватый, но милый, ласковый и симпатичный. Маленький Блок проводил с ним целые часы, глядя на его работу. Случалось им вдвоем уезжать на рубку леса; захватив с собой хлеба, Саша исчезал на весь день, возвращаясь только к обеду, который в Шахматове подавали по-городскому – в шесть часов.

Когда Иван Николаевич приготавливался к посеву шахматовских полей, Саша уговаривался с ним, что будет «вешить», т. е. ставить на пашне вежи из зеленых веток для обозначения засеянных борозд. Дождавшись желанного дня, он вставал особенно рано и бежал к Ивану Николаевичу, горя нетерпением скорее начать. С поля возвращался гордый и счастливый, с точностью исполнив работу.

Условия летней жизни благотворно влияли на мальчика. Он не болел и зимой. Единственную тяжелую и опасную болезнь он перенес в первый год по возвращении из-за грани-

цы. Это был плеврит с экссудатом, но благодаря энергичному лечению Каррика Блок так хорошо поправился, что от этой болезни не осталось ни следа.

В первые годы одним из любимых шахматовских удовольствий было катанье на мешках с рожью. (См. «Возмездие».)

Летом много времени проводил Блок с дедушкой Бекетовым. Они любили ходить гулять вдвоем, заходили далеко в поисках растений для научных ботанических работ. Дедушка учил внука начаткам ботаники. Об этом с благодарным чувством вспоминает он сам в автобиографии.

Иногда Саша с дедушкой в тележке отправлялись на прогулку, причем мальчик садился на козлы и правил «почти тридцатилетним Серым». В таких поездках ботаника уже не играла роли. Дедушка тормозил Сашу, щекотал, опрокидывал к себе на колени и раззадоривал до того, что мальчик визжал и хохотал, как безумный. Домой возвращались очень веселые и довольные, но Саша в совершенно растрепанном виде.

Дедушка вообще поощрял детей к возне, шуму и шалостям. Бабушка Бекетова любила внука не меньше, но забавляла его иначе. Она сочиняла ему прибаутки и сказки и смешила и веселила, но никогда не побуждала к возне и крику. Он любил обоих, но дедушку, больше запомнил и вспоминал о нем с большей любовью. Очевидно, то детское и стихийное, что было в дедушке, отвечало его натуре.

Первыми Сашиними товарищами оказались его двоюрод-

ные братья Кублицкие, сыновья сестры Софьи Андреевны. Старший, Феликс, известный в семье под именем Фероля (уменьшительное, придуманное Сашей), на три года его моложе, меньшей, Андрюша, – на пять лет¹⁴. Оба мальчика проводили лето в Шахматове, а зиму в Петербурге. Они очень любили Сашу, и у них рано начались общие игры. Ни разница лет, ни то обстоятельство, что Андрюша был глухонемой от рождения, не мешали им очень весело проводить время вместе. Андрюша был очень живой и веселый ребенок. Сначала братья объяснялись с ним знаками, потом учительница, взятая из института глухонемых, научила его говорить и понимать по губам. Блок долго играл в детские игры, увлекался ими сильно и всегда был зачинщиком и коноводом всех предприятий. Братья во всем его слушались и веселились с ним бесконечно. На всякие клоунские выходки и уморительные штуки он был великий мастер. Хохоот почти не прекращался. Блок никогда не ссорился с братьями и относился к ним хорошо: никогда не действовал им на самолюбие, не дразнил их, не важничал и, даже шутя, никогда не ударил. Один раз он нечаянно ушиб Андрюшу крокетным молотком. Андрюше было очень больно, текла кровь, он плакал, но увидав, что мать его рассердилась, он стал по-

¹⁴ Феликс Адамович (Фероль) Кублицкий-Пиоттук (1884–1970) оставил записи о Блоке (Воспоминания, т. 1, с. 82–90). Его брат – Андрей Адамович Кублицкий-Пиоттук (1886–1960). См.: Письма Блока к А. А., С. А. и Ф. А. Кублицким-Пиоттух. Публ. В. П. Енишерлова. – ЛН, т. 92, кн. 4, с. 339–369.

вторять сквозь слезы: «Сашура не виноват, он не виноват»¹⁵. Шалостей было очень много, но все какие-то безобидные. Между прочим, Блока очень любили за талантливость, деликатность и отношение к младшим братьям обе французенки-гувернантки, которых взяли к детям Кублицким. Самому ему мать пробовала нанимать таких французенок: в первый раз – когда ему было семь лет, во второй раз – когда было девять. Но французскому разговору он у них не научился по той простой причине, что уж и тогда почти не разговаривал даже и по-русски.

Зимой к мальчикам Кублицким присоединялись еще дети Недзвецкие и Лозинские – все родственники¹⁶. Все они вшестером поджидали у окна, и когда Саша, уже гимназист, подкатывал с матерью в санках и входил в переднюю, его встречали дружными восторженными криками. Тут начинались игры и шумное веселье. Такие сборища устраивались по праздникам и по воскресеньям. Тогда же и в той же детской компании устраивались танцклассы, приглашен был из балета старичок танцмейстер. Блок быстро перенимал все «па» и танцевальные приемы, но не увлекся танцами, да и потом

¹⁵ В семье Блока долго все называли Сашурой.

¹⁶ Имеются в виду Виктор Конрадович (1883–1940) и Ольга Конрадовна (в замуж. Самарина, 1887–1972) *Недзвецкие*; Николай Евгеньевич (умер в детстве) и Анна Евгеньевна (в замуж. Стратоницкая, 1888–1952) *Лозинские*. Воспоминания А. Е. Лозинской и О. К. Самариной (публ. В. П. Енишерлова) см.: Александр Блок и современность. М., 1981, с. 325–333. Об А. Е. Лозинской см. также: *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 99–100.

никогда не танцевал. Детские, ребяческие игры увлекали его долго, а в житейском отношении он оставался ребенком чуть не до восемнадцати лет. Вообще развитие его шло двойным путем. Рано проявились в нем наблюдательность к явлениям природы и художественные наклонности. Читать выучился он годам к пяти и тогда же стал сочинять стихи. Лиризм, вообще несвойственный детям, проснулся в нем рано, но сознательное отношение к жизни появилось не скоро. В его «Автобиографической справке» читаем: «С раннего детства я помню постоянно набегавшие на меня лирические волны». И далее: ««Жизненных опытов» не было долго. Смутно помню я большие петербургские квартиры с массой людей, с няней, игрушками и елками – и благоуханную глушь нашей маленькой усадьбы».

Упомянутые здесь большие квартиры были: одна – на Ивановской улице, другая – на Большой Московской, где мы жили после того, как отец наш вышел из ректоров и, продолжая читать в университете лекции, сделался секретарем Вольно-Экономического общества и редактором биологического отдела словаря Ефрона¹⁷

¹⁷ Знаменитый «Энциклопедический словарь» в 86 томах, издававшийся фирмой «Ф. А. Брокгауз и А. Е. Ефрон» в 1890–1907 гг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Ольга Львовна Блок (1861–1900) была замужем за директором Электротехнического института Н. Н. Качаловым (1859–1909). См.: Блок в переписке Блоков и Качаловых. Публ. М. Б. Плюхановой. – ЛН, т. 92, кн. 1, с. 275–296; С. Тутолмина. Мои воспоминания об Александре Блоке. – Воспоминания, т. 1, с. 92–95. После этого абзаца в первом издании книги был еще один: «Младший из дядьев поэта, Иван Львович, правовед по образованию, был добрый, мягкий и гуманный человек. У него тоже была большая семья. Он служил губернатором, переходя из одной губернии в другую. Везде пользовался любовью и уважением населения. В 1906 году убит бомбой в Самаре».

2.

О семьях Блоков и Бекетовых подробнее см.: Г. П. Блок. Герои «Возмездия» – «Русский современник», 1924, № 3, с. 172–186; Н. Ильин, С. Небольсин. Предки Блока. Семейные предания и документы. – Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 34, 1975, № 5, с. 450–455 (в этой статье помещены в переводе с немецкого письмо, направленное М. А. Бекетовой от имени Пушкинского Дома в Германию, Мекленбургско-Шверинскому архиву, и официальный ответ архива. На

запрос относительно предков поэта по отцовской линии 23 июля 1930 г. архив сообщил сведения, которые имелись в его распоряжении. Они уточняют наши представления о родословной Александра Блока, и этим мы также обязаны М. А. Бекетовой); В. Енишерлов. Сыны отражены в отцах. – «Огонек», 1976, № 34, с. 22–24; № 50, с. 17–19; Из семейной переписки Бекетовых. Публ. Н. Т. Ашимбаевой. – Александр Блок. Материалы и исследования. Л., 1987, с. 240–249; Мемуарные письма М. А. Бекетовой и Андрея Белого. Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. – Там же, с. 249–262. Приводим даты жизни родственников Блока, которые часто будут упоминаться в дальнейшем: Л. А. Блок (1825–1883); А. Л. Блок (1852–1909); Г. С. Карелин (1801–1872); А. Н. Карелина (урожд. Семенова, 1808–1888); А. Н. Бекетов (1825–1902); Е. Г. Бекетова (урожд. Карелина, 1836–1902); С. Г. Карелина (1826–1915); А. Г. Коваленская (урожд. Карелина, 1829–1914); Е. А. Краснова (урожд. Бекетова, 1855–1892); С. А. Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова, 1867–1919).

3.

Александр Дмитриевич Градовский (1841–1889); Николай Михайлович Коркунов (1853–1904); Сергей Александрович Бершадский (1850–1896) – юристы, профессора Петербургского университета. О жизни и научной деятельности А. Л. Блока см.: Е. В. Спекторский. Александр

Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911;
И. В. Березарк. Отец Александра Блока. – «Русская литература», 1977, № 3, с. 188–191; С. Б. Шоломова. Эскизы к портрету отца Александра Блока. – Блоковский сборник, [вып. V], с. 126–142; вып. VII, с. 82–90; Письма отца к Блоку. Публ. Т. Н. Конопацкой. – ЛН, т. 92, кн. 1, с. 249–274; Воспоминания Е. А. Боброва и Е. С. Герцог об А. Л. Блоке. Публ. Т. Н. Конопацкой. – Там же, с. 296–307.